

ЕВГЕНИЯ ЗАЙЦЕВА

★

КАФЕ НА КРАЮ НОЧИ

— КНИГА ПЕРВАЯ —

ДО ПОЛУНОЧИ

★

ТЕ, КТО ДЕРЖАТСЯ

Евгения Зайцева Кафе на краю ночи. До полуночи

<https://litres.ru/74522824>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ночном кафе у каждого гостя своя причина не идти домой. Лена устала держать на себе чужое небо. Нина разучилась отдыхать среди бесконечных домашних дел. Алина заранее проживает катастрофу, которая ещё не случилась.

За стойкой — Соня, психолог с двенадцатилетним опытом, после смерти матери выбравшая работу бариста и тишину вместо чужих историй. Она не даёт готовых ответов, но иногда один честный вопрос, круг на салфетке или чашка горячего кофе помогают человеку сделать следующий маленький шаг.

Пока гости учатся просить о помощи и возвращать себе право на отдых, Соня постепенно открывает закрытую комнату кафе, мамину коробку и собственную боль.

Тёплый роман в новеллах о тех, кто привык держаться, даже когда сил почти не осталось. В конце книги психологический букварь с практиками, которые встречаются в сюжете.

Содержание

Те, кто держатся	4
23:57	5
Женщина, которая держала небо	15
Дом, который ел воскресенья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кафе на краю ночи. До полуночи

Те, кто держатся

Об авторской природе текста

Эта книга — художественное произведение. Все персонажи, события и диалоги являются художественным вымыслом и не основаны на истории конкретного клиента. Совпадения случайны.

23:57

В 23:57 Соня ставила на стойку вторую чашку.

Первую — тёмно-синюю, тяжёлую, с неровным краем — она наполняла кофе и почти всегда забывала выпить. Вторая была тонкой, белой, с тремя голубыми колокольчиками у ручки. Соня вынимала её с верхней полки, проводила большим пальцем по фарфору и ставила напротив свободного стула.

Так продолжалось одиннадцать месяцев.

Иногда вторая чашка стояла до рассвета. Иногда Соня убирала её сразу после полуночи, сердясь на себя за эту бессмысленную привычку. Но на следующий вечер всё повторялось.

Кафе открывалось в полночь.

Днём его было легко не заметить. Между аптекой, закрывавшейся в десять, и мастерской по ремонту обуви оставалась узкая дверь с тёмным стеклом. Вывеска не горела, шторы были опущены, и прохожие торопились к метро, не поднимая головы. Зато ночью, когда аптека гасила зелёный крест, а последний мастер уходил, унося с собой запах клея и сырой кожи, над дверью зажигались тёплые буквы:

«Кафе на краю ночи».

Никто уже не помнил, кто придумал это название. Соня говорила, что вывеска досталась вместе с помещением. Это

было почти правдой.

В тот вечер ноябрь наконец перестал притворяться осенью. Дождь мелко царапал стекло, ветер гнал по тротуару мокрые листья, а люди прятали лица в воротники. На площади за углом объявляли задержку электричек. Голос из громкоговорителя то приближался, то тонул в шуме воды.

Соня включила лампы над столиками — все, кроме дальней. Та мигала уже третью неделю. Костя из мастерской обещал посмотреть, но Соня каждый раз отвечала, что не срочно.

Не срочно было заменить разохшуюся раму у окна.

Не срочно — разобрать коробки в комнате за кухней.

Не срочно — снять с крючка маленький ключ, который она всё равно носила в кармане фартука.

Она проверила кофемашину, пересыпала корицу в стеклянную банку и выровняла салфетки. Вещи нравились Соне тем, что их можно было поставить на место. Чашки — ручками вправо. Ложки — в узкий ящик. Стулья — под стол. Даже у сахара было своё точное количество: две ложки для тех, кто говорит, что не любит сладкое, и три — для тех, кто добавляет: «Сегодня можно».

Без двух минут двенадцать Соня подошла к кирпичной стене возле меню. Под нижней полкой белели шесть коротких меловых чёрточек и одна едва начатая. Посетители принимали их за часть рисунка. Иногда кто-нибудь спрашивал, что они считают.

— Ничего важного, — отвечала Соня.

Мел лежал тут же, в блюде без пары. Соня поправила его и взглянула на часы.

23:57.

В дверь постучали.

Не позвонили в колокольчик — именно постучали, быстро и неловко, словно человек снаружи уже жалел, что остановился.

Соня посмотрела на табличку «Закрыто». Потом — на вторую чашку.

Стук повторился.

За стеклом стояла женщина лет тридцати пяти. Мокрые волосы прилипли к щекам, на одном плече висела сумка с ноутбуком, в другой руке она держала бумажный пакет. Телефон у неё звонил, но женщина будто не слышала.

Соня открыла дверь.

— Мы с двенадцати.

— Я вижу. Простите. — Женщина оглянулась на дождь.
— Мне только кофе. С собой. Любой.

Телефон умолк и сразу завибрировал снова.

— Кофемашина ещё греется, — сказала Соня. — Три минуты придётся подождать.

Женщина кивнула и шагнула внутрь.

Бумажный пакет размок по дну. Что-то выскользнуло из него, ударилось о порог и распалось на три белых осколка.

— Чёрт.

Женщина быстро опустилась на корточки.

— Не трогайте руками, — Соня взяла совок. — Можно порезаться.

— Только не выбрасывайте.

Это прозвучало так резко, что Соня остановилась.

На полу лежала обыкновенная чашка. Белая, с почти стёртой золотой полоской. Такие продавались наборами по шесть штук и редко переживали больше двух переездов. Один осколок был крупным, два других — совсем маленькими.

— Не буду, — сказала Соня.

Она собрала части на блюде и поставила на край стойки.

Женщина следила за каждым её движением.

— Я её уже один раз разбила, — объяснила она. — Час назад. Дома. Собрала, хотела склеить. А теперь опять.

— Значит, сейчас она разбилась второй раз?

— Нет. — Женщина провела ладонью по мокрому лбу. — То есть да. Не знаю. Первый раз она хотя бы была чашкой.

Телефон снова засветился. На экране было написано: «Мама».

Женщина сбросила звонок.

Почти сразу пришло сообщение. Потом ещё одно.

— Вам американо? — спросила Соня.

— Покрепче.

— Вы любите крепкий?

— Нет. Мне просто сегодня нельзя спать.

Соня включила кофемолку. Ровный шум заполнил зал, и

на несколько секунд разговаривать стало невозможно. Женщина стояла у двери, не снимая пальто. С мокрого рукава капало на пол. На запястье краснела тонкая полоса — след от тяжёлой ручки пакета.

Когда кофемолка замолчала, телефон зазвонил снова.

Теперь на экране было: «Наталья Сергеевна».

— Возьмите, если нужно, — сказала Соня.

— Если я возьму, мне скажут, что отчёт нужен к утру.

— А если не возьмёте?

Женщина наконец подняла на неё глаза.

— Он всё равно будет нужен к утру.

— Понятно.

Соня закрепила рожок в кофемашине. Та зашипела, выпуская первый пар.

— Сыну завтра на физкультуру нужна белая футболка, — вдруг сказала женщина. — Муж забыл оплатить интернет. Маму надо записать к неврологу, но там запись только с восьми утра. Ещё у неё заканчиваются таблетки. А брат обычно не отвечает с первого раза, поэтому проще самой. И отчёт. Я обещала его сегодня.

Она говорила быстро, будто перечисляла содержимое чемодана на таможне. Соня не перебивала.

— И эта чашка, — закончила женщина, посмотрев на блюдце. — Глупость какая-то. Я просто достала её, а она выскользнула. Сын спросил: «Мам, ты из-за чашки?» А я...

Она осеклась.

— А вы?

— Ушла.

— Куда?

— За клеём.

Соня взглянула на тёмную витрину мастерской по соседству.

— В одиннадцать вечера?

— Я не подумала.

На часах было 23:59.

Женщина поставила сумку возле стула, но не села. Телефон снова завибрировал. На этот раз без имени — только домашняя фотография: мальчик в синей куртке, мужчина, женщина, очень похожая на ту, что стояла сейчас у двери, только на снимке она улыбалась.

— Они без меня не справятся, — сказала она тише.

Соня машинально коснулась кармана фартука. Ключ был на месте — маленький, холодный, с круглой головкой. За дверью у кухни, под серыми чехлами, стояли два кресла. Одно чуть ниже другого. Раньше люди садились в них и начинали с фразы: «Я даже не знаю, зачем пришёл».

Соня убрала руку из кармана.

— Кофе будет готов через две минуты, — сказала она. — Хотите провести их сидя?

Женщина посмотрела на ближайший стул так, словно это было предложение лечь посреди площади.

— Я намочу.

— Стул высохнет.

— Мне правда только кофе.

— Я помню.

Женщина всё-таки села. На самый край.

Соня поставила перед ней стакан воды.

За окном ветер швырнул пригоршню листьев в витрину.

В аптеке напротив погас последний свет. На площади объявили, что электричка отправится с четвёртого пути вместо второго. Кто-то побежал по мокрым плитам.

Телефон опять ожил.

— Что случится, если вы не ответите две минуты? — спросила Соня.

Женщина сжала пальцы.

— Всё рухнет.

Она сказала это без улыбки.

Соня знала этот ответ. Когда-то он жил у неё под языком, готовый к любому вопросу. Что случится, если ты не встанешь первой? Если не проверишь лекарства? Если не включишь свет в коридоре? Если не скажешь, что всё будет хорошо?

Соня чуть не сказала: «Я знаю». Прикусила щёку. Она знала только своё, а сейчас речь была не о ней.

Она перевернула телефон женщины экраном вниз.

— Давайте не будем проверять всё сразу, — сказала она.

— Только две минуты.

— А если...

— Тогда вы ответите через две минуты.

Женщина смотрела на телефон.

Стрелка часов двинулась.

Наступила полночь.

Не погас свет. Не задрожали стены. Не раздался грохот рухнувшего неба. Кофемашина спокойно пропустила воду через молотые зёрна. На площади кто-то успел на свою электричку, а кто-то — нет. Дождь продолжал идти, совершенно не замечая, ответила женщина на звонок или нет.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Женщина вдруг выдохнула — неровно, будто до этого дышала только верхней частью груди. Следом пришёл второй вдох. На третьем её лицо дрогнуло.

— Я не могу больше, — сказала она.

Не громко. Почти буднично.

Соня выключила кофемашину.

— Похоже, вы очень долго не могли этого сказать.

Женщина закрыла лицо ладонями.

Соня осталась за стойкой. Не подошла обнимать и ничего не сказала. Лена плакала тихо, закрыв лицо ладонями. Через несколько минут она вытерла щёки рукавом и впервые за вечер откинулась на спинку стула.

Вторая чашка с голубыми колокольчиками всё ещё стояла напротив свободного стула.

Соня взяла её, помедлила и убрала на верхнюю полку.

Кофе для женщины она налила в широкую глиняную кружку — тёплую, тяжёлую, такую, которую трудно случайно уронить.

— Я просила с собой, — напомнила та, вытирая щёки.

— Могу перелить.

Женщина обхватила кружку ладонями.

— Не надо. Я, наверное... немного посижу.

— Хорошо.

— Только мне всё равно придётся вернуться.

— Конечно.

— И отчёт куда не денется.

— Скорее всего.

Женщина посмотрела на неё с недоверием, а потом неожиданно усмехнулась.

— Вы странно утешаете.

— Я не утешаю.

— А что вы делаете?

Соня хотела ответить привычным: «Варю кофе». Уже открыла рот, но промолчала. За спиной была закрытая комната, в кармане лежал ключ, а на стене белели шесть чёрточек и одна незаконченная.

— Пока слушаю, — сказала она.

Женщина провела пальцем по неровному краю глиняной кружки.

— Меня Лена зовут.

— Соня.

— Я знаю. У вас на фартуке написано.

Соня посмотрела на вышитое имя и рассмеялась первой.

Лена — следом, прикрыв рот ладонью.

Телефон опять засветился.

Лена не перевернула его.

Соня подошла к двери, сменила табличку на «Открыто» и включила вывеску. Тёплые буквы отразились в лужах. Кафе открылось на четыре минуты позже обычного.

За кухонной дверью тихо скрипнуло дерево — будто одно из старых кресел переменило положение в темноте.

Соня поставила блюдце с тремя осколками рядом с кассой.

— Хорошо, — сказала она, возвращаясь к стойке. — Начните с того, как разбилась чашка.

До рассвета оставалось почти шесть часов.

Женщина, которая держала небо

— Она не сама разбилась, — сказала Лена. — Я её уронила.

Соня посмотрела на блюдце у кассы. Три осколка лежали там неровным цветком: два белых лепестка и один с золотой полоской.

— Случайно?

— Наверное.

Лена провела ладонью по лицу. Тушь не потекла — она почти никогда не красила ресницы в будни, потому что утром и без того не хватало семи минут. Именно семи. За семь минут можно было разбудить Илью второй раз, собрать мужу контейнер с обедом и проверить, выпила ли мама таблетку от давления. Краситься она перестала ещё весной.

— Она стояла на столе, — продолжила она. — Я взяла её, чтобы убрать. Илья искал футболку, Денис спрашивал пароль от личного кабинета интернет-провайдера, мама звонила из поликлиники, а Наталья Сергеевна прислала голосовое на четыре минуты. Чашка просто... выскользнула.

— И вы заплакали.

Лена подняла глаза.

— Откуда вы знаете?

— Вы сказали, что сын спросил, из-за чашки ли вы.

— А. Да.

Она отпила кофе и поморщилась. Кружка была тёплой, тяжёлой, почти утешительной. Кофе — слишком крепким, до горечи.

— Глупо получилось. Я села прямо на кухонный пол. Там крошки, кусок лука под батареей, всё липкое — Денис утром пролил сок и вытер как обычно, по-мужски: чтобы мокро-го не было видно, а сладкое осталось. И сижу. Илья стоит в дверях с одной белой футболкой в руках. Оказалось, он её нашёл. Сам. Представляете?

Соня кивнула.

— Он спросил: «Мам, ты из-за чашки?» Я хотела сказать: «Нет, всё нормально». Уже рот открыла. А потом услышала себя и не смогла. Просто собрала осколки, засунула в пакет и пошла за клеем.

— В дождь.

— В дождь.

— В закрытую мастерскую.

— Я увидела вашу вывеску.

Лена повертела кружку в ладонях.

— Может, так даже лучше. Если бы мастерская была открыта, я бы сейчас сидела дома, клеила эту несчастную чашку и делала отчёт.

— А чашка вам дорога?

Лена посмотрела на осколки так, будто вопрос относился не к ним.

— Нет. Обычная. Из набора. Мама подарила, когда мы

с Денисом въехали в квартиру. Было шесть, осталось две. Теперь одна.

— Тогда почему её нельзя выбросить?

— Потому что...

Лена замолчала. За окном мужчина под чёрным зонтом долго дёргал дверь аптеки, не замечая тёмной вывески. Потом прочитал расписание, сердито пнул мокрый лист и ушёл. В кафе пахло кофе, корицей и сырой шерстью от Лениного пальто.

— Потому что она ещё может служить, — сказала Лена наконец. — Там чистый скот. Если аккуратно склеить, почти не будет видно.

— Понятно.

— Вам всё понятно.

— Нет. Но я могу подождать.

Лена усмехнулась и снова посмотрела на телефон. Экран оставался тёмным. Это почему-то пугало сильнее звонков.

— Мне один сон снится, — сказала она. — Дурацкий. С детства.

Соня не стала спрашивать, к чему это. Просто опёрлась локтями о стойку, показывая, что слышит.

— Мне тринадцать. Хотя во сне я не вижу себя со стороны, но точно знаю — тринадцать. Над головой небо, серое такое, низкое. И вдруг по нему идёт трещина. Сначала тонкая, как на стекле телефона. Потом шире. Небо начинает проваливаться, а под ним мама и Пашка. Он маленький,

лет пяти, спит, обняв плюшевого зайца за шею. Мама тоже спит. Я кричу, чтобы они проснулись, но голоса нет. Тогда поднимаю руки и держу.

Лена подняла ладони, словно и сейчас могла показать точное положение: пальцы растопырены, запястья напряжены, плечи почти у ушей.

— Оно тяжёлое?

— Очень. Но отпустить нельзя. Там же они.

— И чем заканчивается сон?

— Ничем. Я просыпаюсь, когда руки уже не держат.

Соня медленно выпрямилась. Ключ в кармане фартука упёрся круглой головкой в бедро. Она переменяла ногу, и ключ лёг иначе, но легче не стало.

— В тринадцать мама начала работать во вторую смену,
— продолжила Лена. — Не потому, что ей нравилось. Отец ушёл весной, денег не хватало. Пашка был маленький. Мама говорила: «Ты у меня сильная, присмотри за братом». Я и присматривала.

Она загнула палец.

— Однажды у него молоко убежало. Он решил сам подогреть. В тот же вечер порезал колено куском железа во дворе. Пока я промывала, в ванной сорвало кран. Я перекрыла воду, соседу снизу отнесла полотенца, Пашке заклеила колено пластырем, плитку отмыла. Когда мама вернулась, дома почти ничего не было видно. Только пахло горелым молоком.

— Она заметила?

— Пашка рассказал. Мама меня обняла и сказала: «Вот моя взрослая девочка. Что бы я без тебя делала?»

Последнюю фразу Лена произнесла другим голосом — мягким, усталым, материнским. Потом опустила руки на стол.

— Я была счастлива. Правда. Наверное, это был лучший комплимент, который я тогда могла получить.

Соня слышала похожие слова в детстве. После них она расправляла плечи и бралась за то, с чем взрослые не справились сами.

Она взяла тряпку и вытерла уже сухую стойку.

— Вы были ребёнком, — сказала она.

— Тринадцать — не совсем ребёнок.

— И не совсем взрослый.

— В нашей семье это было достаточно взрослый.

Лена сказала это без обиды и пожала плечами.

Телефон коротко звякнул. На экране появилось сообщение от матери.

«Ты спишь? Мне завтра всё-таки самой звонить в поликлинику?»

Лена схватила телефон так быстро, будто кто-то позвал её из-под завала.

— Вот. Запись открывается в восемь. Если не дозвониться в первые десять минут, мест не будет. У неё невролог хороший, к нему потом месяц ждать.

Большие пальцы уже бегали по экрану.

— Что вы отвечаете? — спросила Соня.

— Что поставлю будильник.

— А вам во сколько вставать?

— В шесть сорок. Илье к первому уроку.

— А отчёт?

— Сейчас допью и закончу. Часа два, если никто не будет отвлекать.

— То есть спать вы сегодня не будете.

— Я посплю завтра.

— Завтра у вас невролог, школа и работа.

— Значит, в выходные.

Соня посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего. Пытаюсь понять, в какой день у вас наступает завтра.

Лена перестала печатать.

— Вы всегда так разговариваете с посетителями?

— Нет. Иногда я говорю: «Ваш раф готов».

— А иногда?

Соня помедлила.

— Двенадцать лет я работала психологом.

Лена посмотрела сначала на неё, потом на кофемашину, потом на вышитое имя на фартуке.

— А теперь?

— Теперь у меня кафе.

— Люди так просто не меняют профессию.

— Не просто.

В кухне щёлкнул холодильник. Соня поправила ложечки в стакане, хотя те и так стояли ровно.

— Вы меня сейчас анализируете?

— Нет. Вы пришли выпить кофе, а не на консультацию.

— Но задаёте вопросы.

— Вы можете на них не отвечать.

Лена опустила взгляд. Сообщение матери всё ещё ждало ответа. В строке уже стояло: «Конечно, мам, я позвоню».

— Можно я предложу одну маленькую вещь? — спросила Соня. — Это не консультация. И чинить вас я не буду.

— Очень обнадёживает.

— Я серьёзно. Пять минут. Если не понравится, я перелью кофе в бумажный стакан, и вы уйдёте заканчивать отчёт.

— А если понравится?

— Кофе всё равно придётся оплатить.

Лена тихо фыркнула. Потом стёрла набранный ответ матери и положила телефон на стол.

— Хорошо. Пять минут.

Соня достала из-под стойки три круглые картонные подставки. На первой написала: «МОЁ». На второй: «НЕ ТОЛЬКО МОЁ». На третьей: «НЕ СЕГОДНЯ».

— Очень научно, — сказала Лена.

— У меня закончились диаграммы.

Соня положила перед ней карандаш и стопку маленьких листков, на которых обычно записывала заказы.

— По одному делу на листок. Не решайте. Просто выкладывайте туда, куда оно относится.

Лена написала «Мама — невролог» и сразу положила на «МОЁ».

«Мамины таблетки» отправились туда же.

«Ильина футболка».

«Интернет».

«Отчёт».

«Позвонить Паше».

«Купить клей».

«Ответить Оле».

— Кто такая Оля?

— Подруга. Она вчера поссорилась с мужчиной. Я обещала позвонить.

— А Паша?

— Брат.

— Тот, который спал под небом с зайцем?

— Да. Только теперь ему двадцать шесть, и зайца заменила игровая приставка.

Лена сложила все восемь листков на первую подставку. Стопка закрыла слово «МОЁ».

— Готово.

— Вижу.

— И что теперь?

— Теперь выберите одно дело, которое никто, кроме вас, действительно не может сделать.

— Все.

— Например, погладить футболку может только мама?

— Денис сделает стрелку посередине живота.

— Но футболка будет поглажена?

— Технически.

— Интернет?

— Пароль у Дениса есть. Где-то.

— Записать маму?

— Пашка проспит.

— Он сказал, что не может?

— Он всегда сначала говорит «да», потом забывает.

— А вы ему сегодня говорили?

Лена взяла листок с Пашиным именем, покрутила и положила обратно.

— Нет. Проще самой.

— Проще?

— Надёжнее.

— Это не одно и то же.

Лена нахмурилась. Соня не торопила.

За стеклом проехал автобус без пассажиров. Его жёлтый салон на секунду поплыл по стенам кафе и исчез.

— Если я попрошу, мне придётся напомнить, проверить, узнать, точно ли он поставил будильник, — сказала Лена. — А потом всё равно держать в голове.

— Похоже, вы передаёте человеку дело, но оставляете себе ответственность за то, как он его сделает.

— Иначе оно не сделается.

— Возможно. А возможно, сделается не так, как сделали бы вы.

— Для мамы это важно.

— Тогда спросите Пашу. Не поручайте — спросите. И дождитесь ответа.

Лена посмотрела на часы.

— Пять минут уже прошли.

— Тогда бумажный стакан?

Она взяла кружку обеими руками.

— Нет. Давайте ещё одну.

Сообщение брату Лена переписывала четыре раза. Сначала вышло: «Ты можешь хоть раз заняться мамой?» Потом: «Мне опять всё делать одной?» Затем длинное объяснение про невролога, сайт поликлиники, номер страхового полиса и то, что запись может исчезнуть в 08:07.

В конце она отправила:

«Паш, запиши, пожалуйста, маму завтра к неврологу и отвези её. У меня не получается взять это на себя».

— Как будто заявление об увольнении, — сказала она.

— Что чувствуете?

— Что он не ответит.

— А ещё?

— Что я плохая дочь.

Соня ничего не сказала. В этом месте любое поспешное «вы не плохая» прозвучало бы как крышка, захлопнутая над

кипящей водой.

Лена сама передвинула «Мама — невролог» на подставку «НЕ ТОЛЬКО МОЁ». Листок с таблетками оставила в руке.

— Их может купить Лиза, — сказала она. — Это жена Паши. Она работает рядом с мамой. Но у неё и так смены.

— Решать Лизе.

— Ненавижу эту вашу подставку.

— Она картонная. Переживёт.

Через десять минут на «МОЁ» остался только отчёт. Даже его Лена положила краешком на соседний круг: её часть — сказать, сколько готово и когда будет остальное; Наталья — решить, что с этим делать.

Клей и звонок Оле ушли в «НЕ СЕГОДНЯ». Футболка, интернет, невролог и лекарства лежали на «НЕ ТОЛЬКО МОЁ». Лена смотрела на освобождённое слово в первом круге и словно не узнавала его.

Телефон завибрировал.

«А что случилось?» — написал Паша.

Лена быстро набрала: «Ничего. Я сама». Палец завис над стрелкой.

— Это что сейчас? — спросила Соня.

— Он спрашивает, что случилось. Значит, уже ищет причину отказаться.

— Или спрашивает, что случилось.

— Вы его не знаете.

— Не знаю.

Лена стёрла ответ и написала: «Я устала. Мне нужна помощь».

Сообщение долго оставалось непрочитанным. За это время она успела передвинуть невролога обратно в «МОЁ», потом снова к остальным. Налила себе воды. Проверила, появился ли Паша в сети. Не появился.

Мать прислала второе сообщение:

«Ничего, сама разберусь. Не маленькая».

Лена побледнела.

— Вот видите.

— Что именно?

— Она обиделась.

— Похоже на то.

— Я должна ответить.

— Хотите ответить или боитесь, что будет, если промолчите?

— Какая разница?

— Сейчас, похоже, есть.

Лена провела большим пальцем по краю телефона. Потом выключила экран.

— Боюсь, — сказала она. — Если я не приду, не позвоню, не догадаюсь, что нужно, она решит, что я её бросила. Как отец.

Соня взяла свою тёмно-синюю чашку. Кофе давно остыл, но она всё равно отпила.

— А вы уходите?

— Нет.

— Тогда, может быть, ей придётся какое-то время сердиться на то, чего не происходит.

Лена покачала головой.

— Красиво сказано.

— И неприятно проживается.

— По вам не скажешь.

Соня поставила чашку слишком резко. Кофе плеснул на блюде.

— По людям вообще многое не скажешь.

Впервые за весь разговор её голос стал жёстким. Лена заметила это и отвела глаза.

— Простите.

— Не за что.

Соня взяла тряпку. На этот раз вытирать было что.

Телефон снова завибрировал.

Паша написал:

«Хорошо. Поставлю будильник. Скинь только номер полиса».

А следом:

«Ты правда устала или что-то серьёзное?»

Лена перечитала оба сообщения дважды.

— Он согласился, — сказала она так, словно сообщала о редком атмосферном явлении.

— Похоже на то.

— Без спора.

— Да.

— Но полис всё равно надо найти.

— Мама знает его номер?

Лена открыла рот и закрыла.

— Наверное.

— Паша может спросить у неё?

— Может.

Она написала: «Спроси у мамы. Спасибо».

После отправки ладони у неё задрожали. Не сильно, едва заметно, но кружка стукнула о стол.

— Мне кажется, я только что сбросила ребёнка с лестницы, — сказала Лена.

— А сбросили задачу взрослому мужчине.

— Который когда-то был ребёнком.

— Вы тоже когда-то были.

Лена ничего не ответила.

Следующим получил сообщение Денис:

«Я в кафе у мастерской. Со мной всё нормально, но я вернусь позже. Интернет и Ильину форму сегодня, пожалуйста, без меня».

Ответ пришёл почти сразу:

«Интернет уже оплатил. Илья нашёл футболку. Я погладил».

Через полминуты:

«Получилась стрелка. Он сказал, наденет под олимпийку».

Лена засмеялась так, что закрыла глаза и прикрыла рот ладонью.

— Я же говорила.

— Вы были правы.

— Там будет стрелка через весь живот.

— Зато мир останется на месте.

Лена взглянула на неё, и смех оборвался не сразу. Потом она написала Наталье Сергеевне, что к девяти отчёта не будет; основную часть пришлёт к двенадцати, остаток — на следующий день. Прежде чем отправить, она десять раз перечитала слово «не будет».

— Она меня уволит.

— Это возможно?

— Нет. Наверное. Но будет недовольна.

— Это вы сможете пережить?

Лена нажала на стрелку.

Начальница ответила одной строчкой: «К двенадцати достаточно, остальное завтра».

— И всё? — спросила Лена.

— И всё.

— Она даже не спросила почему.

— Вас это расстраивает?

Лена задумалась.

— Немного.

Соня улыбнулась.

В половине второго за окном перестал дождь. Вода ещё

бежала вдоль бордюра, и редкие машины разрезали её колёсами. Лена сняла пальто и повесила на спинку соседнего стула. Под ним оказался тонкий бежевый жакет, на рукаве — тёмное пятно от дождя. Она выглядела моложе и утомлённее, чем при входе.

— Знаете, чего я не понимаю? — спросила она. — Если всё это могли сделать без меня, зачем столько лет ждали?

— Возможно, они не ждали.

— В смысле?

— Возможно, вы успевали раньше, чем кто-нибудь понимал, что нужно что-то сделать.

Лена хотела возразить, но телефон зазвонил. На экране было имя «Лиза».

— Можно отвечу?

— Конечно.

Лена включила громкую связь не специально — промахнулась мокрым пальцем.

— Лен, ты где? — раздался бодрый женский голос. На заднем плане хлопнула дверь и кто-то спросил, куда делись ключи. — Пашка тут ходит кругами и ставит три будильника. Я завтра заеду к вашей маме, заберу рецепт и лекарства. К врачу он её отвезёт. Ты слышишь?

— Слышу.

— Что случилось?

Лена посмотрела на Соню.

— Я разбила чашку.

В трубке стало тихо.

— Порезалась?

— Нет.

— Тогда чашку жалко, конечно. Но ты меня сейчас пугаешь.

— Я устала, Лиз.

На том конце снова помолчали. На этот раз иначе — не растерянно, а внимательно.

— Тогда не отвечай больше никому, — сказала Лиза. — Мы с Пашкой разберёмся. Спи, диспетчер. У нас сегодня ночная смена.

— У тебя самой смена завтра.

— Вот и не командуй старшими по званию.

Лиза отключилась.

Лена держала телефон возле уха ещё несколько секунд.

— Она младше меня, — сказала наконец.

— Я никому не расскажу.

— Я хочу ей перезвонить и объяснить, где у мамы лежат таблетки.

— Знаю.

— Откуда?

— У вас лицо человека, который мысленно уже рисует схему шкафчика.

Лена положила телефон экраном вниз и села на руки.

Лена сидела, придавив ладони собственным весом. Губы у неё шевелились: невролог принимает в новом корпусе; талон

надо распечатать; мама забудет паспорт; Пашка перепутает подъезд, хотя был там сотни раз; Лиза купит не ту дозировку.

Один раз она дёрнулась к телефону, но рук не вынула. Через несколько минут перестала шептать инструкции и просто смотрела на тёмный экран.

Соня занялась посудой. Она не смотрела на Лену и тем самым оставляла ей место. Вымыла молочник, протёрла кофемашину, пересчитала чистые чашки. Тёмно-синюю поставила на сушилку. Белую с колокольчиками не достала.

— А у вас? — спросила Лена.

Соня обернулась.

— Что у меня?

— Кто-нибудь выходит на ночную смену?

Вопрос повис между ними. За кухонной дверью находилась комната с двумя креслами. На верхней полке стояла чашка, которую Соня каждый вечер готовила для человека, не приходившего одиннадцать месяцев. А в телефоне был чат с Никитой, где последние семь сообщений начинались словами «Не забудь».

— Иногда, — сказала она.

Лена не стала уточнять. За это Соня была ей благодарна.

Они сложили листки в маленький бумажный пакет. Подставки Соня оставила на столе.

— Заберите, — предложила она.

— Не надо. Если принесу домой, Денис решит, что это новые подставки под пиво.

— А листки?

— Пусть будут. На случай, если утром я решу, что всё это мне приснилось.

Лена надела ещё влажное пальто, забросила на плечо сумку с ноутбуком и подошла к стойке. Рука потянулась к блюду с осколками.

Она взяла большой кусок с золотой полоской. Поднесла к свету. По краю белела старая линия клея — чашка действительно разбивалась раньше, только Лена забыла, когда именно.

— Оставьте до завтра? — спросила Соня.

— Вы же ночью работаете.

— Тогда до следующей ночи.

— А если выбросите?

— Не выброшу без вас.

Лена положила осколок обратно.

У двери она остановилась и посмотрела на три картонных круга. «МОЁ» лежало почти пустым. На нём оставался один листок, который Лена написала последним и никому не показала.

Соня заметила его только после того, как дверь закрылась. «Поспать».

Она ушла без бумажного пакета. Телефон лежал в кармане, а не в ладони. На перекрёстке загорелся зелёный, и Лена перешла улицу обычным шагом — не побежала, хотя до автобуса оставалось совсем немного.

Соня смотрела ей вслед, пока светлый силуэт не исчез за остановкой.

Потом убрала кружку, собрала карандаши и подошла к кирпичной стене. Шесть меловых чёрточек белели под полкой. Седьмая была короткой, едва начатой.

Соня провела мелом вниз, делая её такой же длины, как остальные. Линия получилась кривой. Исправлять она не стала.

Телефон в кармане завибрировал.

Никита написал: «Хлеб утром заберу сам. Не ставь будильник. Я не забуду».

Соня набрала: «Там оплатить до шести. И проверь накладную, в прошлый раз...»

Посмотрела на три картонных круга.

Стёрла.

«Хорошо», — ответила она.

За окном снова пошёл дождь — уже тихий, почти невидимый. До рассвета оставалось четыре часа и семнадцать минут.

Дом, который ел воскресенья

Через четыре ночи после Лены на блюде возле кассы всё ещё лежали три осколка.

Соня несколько раз собиралась убрать их в ящик. Они мешали ставить поднос, цеплялись золотой полоской за тряпку и заставляли каждого второго посетителя спрашивать, не продаётся ли здесь битая посуда. Но Лена сказала: «До следующей ночи», — а какая именно ночь будет следующей, они не уточнили.

Поэтому осколки ждали.

В воскресенье кафе пустовало дольше обычного. Дождь ушёл, оставив после себя прозрачный холод. На площади ветер переворачивал рекламный щит, у закрытой аптеки курил охранник, а в окнах библиотеки напротив одно за другим гасли жёлтые квадраты.

Последним погас свет на втором этаже.

Через семь минут в кафе вошла женщина с большим полотняным мешком, на котором было написано: «Книги не опаздывают. Они задерживаются».

Женщина поставила мешок на пол, сняла очки и долго протирала их краем свитера. На переносице остались две красные отметины.

— У вас есть еда? — спросила она.

— Есть пирог с яблоками и сэндвичи.

— Тёплое?

— Могу разогреть.

— Тогда любое.

Соня достала сэндвич.

— С курицей или с сыром?

Женщина закрыла глаза.

— Пожалуйста, не заставляйте меня выбирать.

— С сыром, — решила Соня.

— Спасибо.

Женщина села за стол у окна. Из мешка она вынула две книги, связку ключей, детскую варёжку, моток скотча, три ручки и пластиковую коробку с надписью «Возврат». Коробка была пустой.

Телефон у неё зазвонил. На экране высветилось: «Андрей».

Она перевернула его.

— Библиотека закрылась сорок минут назад, — сказала Соня, ставя перед ней воду.

— Я знаю. Я её закрывала.

— Тогда вы очень медленно шли.

— Я три раза обошла площадь.

Соня поставила сэндвич греться и не стала спрашивать зачем.

Женщина сама сказала:

— Домой не хочу.

Это прозвучало без трагедии, почти сердито. Так говорят:

«Не хочу манную кашу» или «Не хочу пересаживаться на кольцевую».

— Можно пока не идти, — ответила Соня.

— Вы не поняли. У меня нормальный дом. Хороший муж. Дети. Никто не пьёт, не дерётся, деньги не проигрывает. Я люблю их.

— Я не спору.

— Просто сегодня воскресенье.

Микроволновка коротко звякнула.

— Меня Нина зовут, — сказала женщина.

— Соня.

— Я видела на фартуке.

— Мне уже говорили.

Нина улыбнулась одними уголками губ.

Дом начинал есть воскресенье в субботу вечером.

Сначала тихо, почти ласково. Напоминал, что в холодильнике осталось два яйца и половина лимона. Просил замочить фасоль, чтобы утром не тратить время. Подсовывал под ноги корзину с бельём и шептал голосом Андрея: «Раз уж машинка всё равно будет крутиться».

К десяти вечера Нина уже знала, что приготовит на три дня, кому нужно подписать тетрадь, у кого заканчивается зубная паста и почему в понедельник нельзя забыть синий пакет для технологии.

В воскресенье дом просыпался раньше всех.

В восемь он пах немытой кошачьей миской. В девять го-

ворил голосом Варвары из детской:

— Мам, а белую водолазку ты постирала?

В десять скрипел дверцей холодильника в руках четырнадцатилетнего Антона:

— Есть что-нибудь быстрое?

К одиннадцати начинал звонить свекровью, которой нужно было заказать справку через портал, потому что «ты в этом разбираешься». Потом вспоминал про пыль, уроки, счета, расшатанный крючок в ванной и суп, который удобно сварить сразу на три дня.

К полудню от воскресенья оставалась тонкая корочка — час между магазином и глажкой. Нина каждый раз откладывала её на потом, а вечером обнаруживала, что дом съел и её.

— Я работаю в библиотеке, — сказала Нина, откусывая сэндвич. — Люблю работу. Правда люблю. У нас читатели, мероприятия, дети после школы приходят, пенсионеры ругаются из-за компьютеров. Вечно кто-нибудь спрашивает книгу, у которой не помнит ни автора, ни названия, только «там обложка синяя и женщина страдает». Но там я хотя бы понимаю, что делаю.

— А дома?

— Дома всё делается само.

Она произнесла это с набитым ртом и чуть не рассмеялась.

— Чистые полотенца сами вырастают на полке. Шампунь сам чувствует, что заканчивается, и покупает себе замену.

Дни рождения родственников сами приходят ко мне в голову за неделю, сразу с размером одежды и ссылкой на подарок.

Телефон снова загорелся. На этот раз Андрей прислал сообщение:

«Ты где? Мы волнуемся».

Нина прочитала и положила телефон экраном вниз.

— Может, ответить, что вы в порядке? — предложила Со-
ня.

— Я не в порядке.

— Тогда можно ответить это.

— Чтобы он приехал спасать? Нет. Он умеет спасать только от крупных бед. Если пожар, прорвало трубу, сломалась машина — Андрей лучший человек на свете. А если надо заметить, что ребёнок вырос из ботинок, он слепой.

— Вы сегодня поэтому не хотите домой?

Нина отломил корочку от сэндвича и раскрошила на тарелке.

— В прошлое воскресенье сломалась стиральная машина.

Она замолчала, и кафе на несколько минут исчезло.

Осталась ванная с голубой плиткой. Вода медленно вы-
ползала из-под машинки, огибала корзину и собиралась у
Нининых босых ступней. Из детской доносился спор: Антон
не давал Варваре зарядку, Варвара обещала рассказать отцу
про двойку по географии. На кухне выкипал бульон.

Андрей крикнул из комнаты:

— Там фильтр надо проверить!

Нина перекрыла воду. Потом села прямо на мокрый пол. Джинсы сразу промокли. Было холодно. Она смотрела, как по воде плывёт серый комочек пыли, и думала, что надо встать, принести тряпку, выключить суп, развести детей, найти инструкцию к машинке.

Надо было сделать пять вещей.

Нина велела себе встать, но так и осталась сидеть в луже.

— Нин, ты слышала? — снова крикнул Андрей. — Фильтр снизу!

— Проверь, — сказала она.

— Что?

— Фильтр. Проверь его сам.

Он появился в дверях с телефоном в руке. Сначала посмотрел на лужу. Потом — на Нину. И лицо у него стало таким, будто поломка находилась не там, где он ожидал.

— Ты чего сидишь?

— Не знаю.

— Порезалась?

— Нет.

— Тебе плохо?

— Да.

— Что болит?

Нина тогда не ответила. Андрей помог ей встать, принёс полотенце, выключил суп. Фильтр он тоже открутил, правда, сначала четыре раза спросил, где разводной ключ, куда поставить таз и какие полотенца можно испортить.

— Он всё починил, — сказала Нина Соне. — И был очень собой доволен. Вечером сказал: «Ну вот, справились».

— А вы?

— А я захотела его ударить. Хотя он действительно починил.

— За что ударить?

— Не знаю. За «мы».

Соня собрала с соседнего стола пустые чашки.

— Вы сказали ему?

— Что именно? «Спасибо, что в нашем общем доме один раз открыл общий фильтр»?

— Например, что вам плохо не из-за машинки.

— А из-за чего?

Нина спросила резко, но Соня не отступила и не приблизилась.

— Я не знаю.

— Вот и я не знаю. Работа у меня любимая. Муж хороший. Дети обычные. Мама жива. И всё равно каждое воскресенье к семи вечера я хочу сесть на автобус и уехать до конечной.

— Вы когда-нибудь уезжали?

— Нет. В понедельник на работу.

Соня протёрла крошки со стойки в ладонь. В детстве она тоже считала доказательством любви то, что замечала первой. Таблетки в маминой коробочке заканчивались не сами — Соня отсчитывала оставшиеся. Никита не мёрз — Соня

клала запасные варежки в его рюкзак. Каша не пригорала, свет в коридоре не гас, врачи перезванивали. Если всё шло хорошо, никто не видел, сколько раз за день она не позволила чему-то пойти плохо.

Тогда ей казалось, что так и выглядит любовь. Иногда и теперь казалось.

— Хотите попробовать выяснить, из чего состоит ваше воскресенье? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.